

Серия «Мгновения истории»

И. Е. Забелин

Как жили в старину русские цари-государи

Серия «Мгновения истории»

И. Е. Забелин

Как жили в старину русские цари-государи

МОСКВА
«ПАНОРАМА»
1991

ББК 63.3(2)
З-12

ISBN 5-85220-103-0

Они жили в Москве, в самой середине Русскаго царства-государства. Москва ведь была их прародительскою вотчиною, была их родиною, простее сказать, Москва-то и родила их от того она и могла прозываться матерью Русскаго государства.

Москва матушка, золотыя маковки!

Двор или дворец древних царей находился тоже в середине, в середине самой Москвы, в Кремле, на том самом месте, где и теперь построен Новый царский дворец с большими палатами.

И в прежнем дворце были большия палаты, из которых уцелела одна — Грановитая Палата.

В этих палатах цари принимали иноземных послов, давали им пиры.

В праздники угощали там своих бояр и людей всяких чинов, больших и малых, в том числе и слободских крестьянских старост. Все палаты были изукрашены иконописанием и блистали яркими красками и позолотою.

В этих палатах цари принимали только гостей, а сами жили в хоромах не особенно обширных, можно сказать, даже весьма необширных.

Три, много если четыре комнаты рядом, одна возле другой, в одной связи, служили весьма достаточным помещением для Государя. Перед комнатами были теплыя сени в роде особой комнаты. При входе из *Сеней* первая комната называлась *Переднею,* потому что она была впереди других комнат. За нею следовала собственно, так называемая, *Комната,* где Государь за-

нимался делами, то, что теперь называют кабинетом. Затем следовала *Крестовая* комната или моленная, где Государь молился утром и вечером. Возле нея находилась *Постельная* комната или *Опочивальная*.

Как сказано, эти комнаты были не особенно обширны. Своим простором оне равнялись крестьянской избе или крестьянской клети, т. е. имели ширину и длину всего в 3 сажени, т. е. в 9 аршин, как и теперь ставятся крестьянския избы, и всегда было в них наружу *три* окна. И внутри оне уподоблялись той же избе, потому что у стен неотмѣнно в них устроивались обычныя лавки. Стульев в то время еще не употребляли. Бывало в комнате одно лишь кресло для самого Государя.

Точно так же были расположены и хоромы царицы, которыя ставились отдельно от хором царя, но соединялись с ними сенями или переходами. У царицы после Передней следовала Крестовая, а потом уже Комната. Особыя хоромы с такими же комнатами ставились и для государевых детей и также соединялись сенями с хоромами царицы.

Все здание государевых жилых хором строилось в три яруса, в три житья. Средний ярус занимали вышеупомянутыя комнаты, где жил сам Государь и сама царица. Нижний ярус состоял из таких же комнат, какия бывали в среднем ярусе. Эти нижния комнаты назывались *подклетями*. Значит и государевы комнаты, по крестьянскому смыслу, были собственно клети. Верхний ярус был занят теремами, светлыми комнатами для летняго пребывания.

*　*
*

Раннее утро заставало государя в Крестовой, в которой молебный иконостас, весь уставленный иконами, богато украшенными золотом, жемчугом и дорогими каменьями, давно уже освещался множеством лампад и восковых свечей, теплившихся

почти перед каждым образом. Государь вставал обыкновенно часа в четыре утра. Постельничий, при пособии спальников и стряпчих *, подавал государю платье и *убирал* (одевал) его. Умывшись, государь тотчас же выходил в Крестовую, где его ожидали духовник или *крестовый* поп и крестовые дьяки. Духовник или крестовый священник благословлял государя крестом, возлагая его на чело и ланиты, при чем государь прикладывался ко кресту и потом начинал утреннюю молитву; в то же время один из крестовых дьяков поставлял пред иконостасом на налое образ святого, память котораго праздновалась в тот день. По совершении молитвы, которая продолжалась около четверти часа, государь прикладывался к этой иконе, а духовник окроплял его святою водою. Святая вода, которую употребляли в этом случае, привозилась иногда из весьма отдаленных мест, из монастырей и церквей, прославленных чудотворными иконами. Вода эта называлась «праздничною», потому что освящалась в храмовые праздники, совершаемые в память тех святых, во имя которых сооружены были храмы. Почти каждый монастырь и даже многие приходские храмы, по отправлении такого празднества, доставляли *праздничную святыню,* икону праздника, просфору и св. воду в *вощанке,* в восковом сосудце, в царский дворец, где посланные подносили ее лично самому государю. Иногда эта святыня подносилась на выходе государя в церквах, во время богомолья. Таким образом праздничная вода не истощалась круглый год, и утренния молитвы государя почти всегда сопровождались окроплением святой водой недавняго освящения в каком-либо отдаленном или близком монастыре.

После моленья крестовый дьяк читал духовное *слово:* поучение, из особаго сборника слов, распределенных для чтения в каждый день на весь год. Сборники эти известны были под именем Златоустов и Златоструев. Они составлялись из поучений отцов Церкви и преимущественно Иоанна Златоуста, отчего и назывались Златоустами.

---

* Так назывались служащие люди: стряпать по-старинному значило делать всякое дело.

Окончив утреннюю *крестовую* молитву, государь, если почивал особо, посылал ближняго человека к царице в хоромы спросить ее о *здоровье,* как почивала? потом сам выходил здороваться с нею в ея Переднюю или Столовую. После того они вместе слушали в одной из верховых церквей заутреню, а иногда и раннюю обедню.

Между тем, с утра же рано собирались во дворец все бояре, думные и ближние люди — «челом ударить государю» и присутствовать в Царской Думе. Они собирались обыкновенно в Передней, где и ожидали царскаго выхода из внутренняго покоя или Комнаты. Некоторые, пользовавшиеся особою доверенностью государя, выждав время, входили и в Комнату. Увидев пресветлыя царския очи, в церкви ли во время службы, или в комнатах, смотря по тому, в какое время являлись на приезде, они всегда кланялись перед государем в землю, даже по нескольку раз. Государь в то время, если стоял или сидел в шапке, то против их боярскаго поклонения шапки с себя не снимал никогда. За особенную милость, являемую государем, бояре кланялись ему в землю до тридцати раз сряду. Так, умиленный царским благоволением, большой воевода князь Трубецкой, на отпуске в Польский поход, в 1654 г., когда государь, прощаясь с ним, обнял его, поклонился перед государем в землю тридцать раз. Поздоровавшись с боярами, поговорив о делах, государь, в сопровождении всего собравшагося боярства, шествовал, часу в девятом, к поздней обедне в одну из придворных церквей. Если же тот день был праздничный, то выход делался в собор или к празднику, т. е. в храм или монастырь, сооруженный в память празднуемаго святого. В общие церковные праздники и торжества государь всегда присутствовал при всех обрядах и церемониях. Поэтому и выходы в этих случаях были гораздо торжественнее.

Обедня продолжалась часа два. Едва ли кто был так привержен к богомолью и к исполнению всех церковных обрядов, служб, молитв, как цари. Один иностранец разсказывает о царе Алексее Михаиловиче, что он в пост стоял в церкви часов по пя-

ти или по шести сряду, клал иногда по тысяче земных поклонов, а в большие праздники по полуторы тысячи.

* *
*

После обедни, в Комнате в обыкновенные дни государь слушал доклады, челобитныя и вообще занимался текущими делами. С докладами входили начальники Приказов и сами их читали пред государем. Думный дьяк докладывал челобитныя, вносимыя в Комнату, и помечал решения. Присутствовавшие в Комнате бояре во время слушания дел не смели садиться. Если уставали стоять, то выходили отдыхать, сидеть в Переднюю или в сени, а иногда и на площадку перед царскими хоромами. Когда, особенно по пятницам, государь открывал обыкновенное *сиденье с бояры,* или заседание Думы, то бояре садились по лавкам, от царя поодаль, бояре под боярами, один под другим, думные дворяне также, кто кого *породою* ниже, а не по службе, т. е. не по старшинству пожалования в чин, так что иной, и сегодня пожалованный, напр., из спальников или стольников в бояре, садился по породе, выше всех тех бояр, которые были ниже его породою, хотя бы и седые старики были. Думные дьяки обыкновенно стояли, а иным временем, особенно если *сиденье* с боярами продолжалось долго, государь и им повелевал садиться.

Заседание и слушание дел в Комнате оканчивалось около двенадцати часов утра. Бояре, ударив челом государю, разъезжались по домам, а государь шел к *столовому кушанью* или обеду, к которому иногда приглашал и некоторых из бояр, самых уважаемых и близких; но большею частью в обыкновенные дни, когда не было праздничных или других каких торжественных столов, которые по обычаю призывали государя делить трапезу и пировать в кругу боярства и всех других чинов, он всегда кушал вместе с царицею. Повседневные столы бывали иногда в комнатах государя, иногда в хоромах царицы. И в том и в дру-

гом случае они не были открыты для боярскаго и дворскаго общества. В праздничные дни присутствовали за этими домашними столами и другие члены царской семьи, царевичи и царевны, особенно возрастные. Иногда государь праздновал детские именины общим обедом в царицыных хоромах. Такие обеды, вероятно, справлялись в каждый семейный праздник. В 1667 году, по случаю всенароднаго объявления царевича Алексея Алексеевича и, стало-быть, по случаю самого великого торжества для самой царицы, родительницы наследника, государь на другой день, 2 сентября, справил семейный стол в Верхней комнате или в терему и кушал вместе с царицею, с объявленным наследником Алексеем, с малолетными царевичами Федором (5-и лет). Симеоном (2-х лет) и Иваном (1-го года).

Обыкновенный стол его не был так изобилен кушаньями, как столы праздничные, посольские и другие.

В домашней жизни цари представляли образец умеренности и простоты. По свидетельству иностранцев, к столу царя Алексея Михаиловича подавались всегда самыя простыя блюда, ржаной хлеб, немного вина, овсяная брага или легкое пиво с коричным маслом, а иногда только одна коричная вода. Но и этот стол никакого сравнения не имел с теми, которые государь держал во время постов. «Великим постом царь Алексей обедал только три раза в неделю, а именно: в четверг, субботу и воскресенье, в остальные же дни кушал по куску черного хлеба с солью, по соленому грибу или огурцу и пил по стакану полпива. Рыбу он кушал только два раза в Великий пост и соблюдал все семь недель поста... Кроме постов, он ничего мясного не ел по понедельникам, средам и пятницам; одним словом, ни один монах не превзойдет его в строгости постничества. Можно считать, что он постился восемь месяцев в году, включая шесть недель Рождественскаго поста и две недели других постов». Это сказывает иностранец. Такое усердное соблюдение постов было выражением строгой приверженности государя к Православию, ко всем уставам и обрядам Церкви. Свидетельство иностранца вполне подтверждается и домашним свидетелем. «В постные

дни», говорит он, «в понедельник и в среду, и в пятницу, и в посты, готовят про царский обиход ествы рыбныя и пирожныя с маслом с деревянным и с ореховым, и с льняным, и с конопляным; а в Великой и в Успеньев посты готовятся ествы: капуста сырая и гретая, грузди, рыжики соленые, сырые и гретые, и ягодныя ествы, без масла, кроме Благовещениева дня — и ест царь в те посты, в неделю, во вторник, в четверг, в субботу, по одиножды на день, а пьет квас, а в понедельник и в среду, и в пятницу во все посты не ест и не пьет ничего, разве для своих и царицыных, и царевичевых, и царевниных именин».

Впрочем, несмотря на такое постничество и особенную умеренность, за обыкновенным столом государя в *мясные* и *рыбные* дни подавалось около семидесяти блюд, но почти все эти блюда расходились на *подачи* боярам и другим лицам, которым государь разсылал эти подачи, как знак своего благоволения и почести. Для близких лиц он иногда сам выбирал известное любимое блюдо. Подавались сначала холодныя и печенья, разное *тельное,* потом жареное, и затем уже похлебки и ухи или *ушное.*

Порядок и обряд комнатнаго стола заключался в следующем: стол накрывал дворецкий с ключником; они настилали скатерть и ставили судки, т. е. солоницу, перечницу, уксусницу, горчичник, хреноватик. В ближайшей комнате пред столовою накрывался также стол для дворецкаго, собственно *кормовой поставец,* на который кушанье ставилось прежде, нежели подавалось государю. Обыкновенно каждое блюдо, как только оно отпускалось с поварни, всегда отведывал повар в присутствии самого дворецкаго или стряпчаго. Потом блюда принимали ключники и несли во дворец в предшествии стряпчаго, который охранял кушанье. Ключники, подавая ествы на кормовой поставец дворецкому, также сначала отведывали, каждый с своего блюда. Затем кушанье отведывал сам дворецкий и сдавал стольникам нести пред государя. Стольники держали блюда в руках, ожидая, когда потребуют. Кушанье от них принимал уже крайчий, охранитель стола, самый доверенный человек, прямо подававший государю ествы и питие. Он точно так же отведывал

с каждаго блюда и потом ставил на стол Государю. То же самое соблюдалось и с винами: прежде, нежели они доходили до царскаго чашника, их также несколько раз отливали и пробовали, смотря по тому, через сколько рук они проходили. Чашник, отведав вино, держал кубок в продолжение всего стола, и каждый раз, как только государь спрашивал вино, он отливал из кубка в ковш и предварительно сам выпивал, после чего уже подносил кубок царю. Все эти предосторожности установлены были для охраны государева здоровья от порчи. Для вин перед столовою устроивался также особый питейный поставец, т. е. особый стол с полками.

* *
*

После обеда государь ложился спать и обыкновенно почивал до вечерен, часа три. В вечерню снова собирались во дворец бояре и прочие чины, в сопровождении которых царь выходил в верховую церковь к вечерни. После вечерни иногда также слушались дела и собиралась Дума. Но обыкновенно все время после вечерни до *вечерняго кушанья* или ужина, государь проводил уже в семействе или с самыми близкими людьми. Во время этого отдыха любимейшим занятием государя было чтение церковных книг, в особенности церковных историй, поучений, житий святых и тому подобных сказаний, а также и летописей. Особенно славился такою начитанностию царь Иван Васильевич Грозный.

Кроме чтения, цари любили живую беседу, любили разсказы бывалых людей о далеких землях, об иноземных обычаях и особенно о старине. Царь Алексей Михаилович держал во дворце стариков, имевших по сту лет отроду и очень любил слушать их разсказы о старине. Это были так называемые *верховые* (придворные) *богомольцы,* весьма уважаемые за их благочестивую жизнь и древность лет. Они жили подле царских хором в особом отделении дворца и на полном содержании и попечении государя. В длинные зимние вечера государь призывал их к себе

в комнату, где в присутствии царскаго семейства, они повествовали о событиях и делах, проходивших на их памяти, о дальних странствиях и походах. Особенное уважение государя к этим старцам простиралось до того, что он нередко сам бывал на их погребении, которое всегда отправлялось с большим торжеством, обыкновенно в Богоявленском монастыре, на Троицком Кремлевском подворье. Так, в 1669 году, Апреля 9, государь хоронил богомольца Венедикта Тимофеева; на погребении его были: Паисий, патриарх Александрийский, Троицкий и Чудовской архимандриты, десять священников, архидьякон, одиннадцать дьяконов, кроме разных причетников и певчих. Присутствие царя на подобных службах всегда сопровождалось щедрою милостынею, которая раздавалась нищим, разным бедным людям и по тюрьмам колодникам и заключенным. Милостыня раздавалась также в третины, девятины, полусорочины и сорочины — дни, в которые отпевалась обыкновенно панихида по усопшем и делались поминки. Весьма щедро государь жаловал и духовенство, бывавшее на этих погребениях.

Верховые, т. е. дворцовые (Верх значило дворец) богомольцы назывались также и *верховыми нищими;* в числе их были и *юродивые.* Царица и взрослыя царевны имели также при своих комнатах *верховых богомолиц и юродивых.* Глубокое всеобщее уважение к этим старцам и старицам, Христа ради юродивым, основывалось на их святой богоугодной жизни и благочестивом значении, какое они имели для нашей древности. Общество благоговело пред ними, чтило их, как пророков и провозвещателей Божьей воли, как неуклонных и нелицеприятных обличителей. Верховые богомольцы певали государю *Лазаря* и все те духовные стихи, которые можно еще слышать и теперь от странствующих слепцов. Были еще при царском дворе *слепцы-домрачеи,* которые распевали сказки и былины о богатырях князя Владимира, с игрою на *домре,* струнном инструменте в роде балалайки. Они же играли и русския песни. *Бахари,* сказочники, разсказывали и песни и сказки. Бахарь был почти необходимым лицом в каждом зажиточном доме.

В числе обыкновенных и самых любимых развлечений государя была игра в шахматы и однородная с нею игра в шашки. По свидетельству иностранцев, во дворце каждый день играли в шахматы. Сколько обыкновенно и в какой силе была эта игра можно судить уже по тому, что при дворце состояли на службе особые мастера, токари, которые занимались единственно только приготовлением и починкою шахматов, отчего и назывались *шахматниками.*

Во дворце была особая *Потешная Палата,* в которой разнаго рода *потешники* забавляли царское семейство песнями, музыкою, пляскою, танцованием по канату и другими «действами». В числе этих потешников были. *веселые* (скоморохи), *гусельники, скрыпотчики, домрачеи, органисты, цымбальники* и проч. Во дворце жили также *дураки-шуты,* а у царицы — *дурки-шутихи, карлы* и *карлицы.* Они пели песни, кувыркались и предавались разнаго рода веселостям, которыя служили немалым потешением государеву семейству. По словам иностранцев, это была самая любимая забава царя Федора Ивановича.

Весьма часто государь проводил время в разсматривании разных работ золодых дел мастеров, ювелиров или алмазников, иконописцев, серебряников, оружейников и вообще всех ремесленников, которые что-либо изготовляли для украшения царскаго дворца или для собственнаго употребления государя. Зимою, особенно по праздникам, цари любили смотреть медвежье поле, т. е. бой охотника с диким медведем. Раннею весною, летом и во всю осень они часто выезжали в окрестности Москвы на соколиную охоту. Эта потеха, любимая царя Алексея Михайловича, начиналась нередко с самаго утра, до обеда, и продолжалась после обеда до вечера. Вообще лето государь проводил большею частью в загородных дворцах, развлекаясь охотою и хозяйством. Зимою он хаживал иногда сам на медведя или на лося, охотился за зайцами.

Оканчивая день, после вечерняго кушанья, государь сново шел в Крестовую и точно так же, как и утром молился около четверти часа. Когда государь почивал один, то в том же покое

ложился и *постельничий,* который всегда убирал и охранял царскую постелю, а иногда *стряпчий с ключом,* сохранявший ключ от комнаты, и один или два *стольника,* самых приближенных.

* *
*

Благочестивые московские цари совершали богомольные выходы в каждый церковный праздник, присутствовали при всех обрядах и торжествах, отправляемых Церковью в течение всего года. Эти выходы придавали церковным празднествам еще более красоты и торжественности. Государь являлся народу в царском великолепии. Самые обыкновенные, почти каждодневные выходы царя к обедне и вообще к церковной службе в известные праздники, были не что иное, как царственныя шествия, которыя поэтому возвещались нередко, смотря по важности празднества, особым колокольным звоном, который и назывался *выходным.* Старая запись об этом говорит, что «когда царь ходит молиться к праздникам в Кремль, в Китай, в Белый Царев город, в монастыри и по соборам, и к мирским приходским церквам, и в то время звон государю царю един, да празднику три звоны, куда идет».

К обедне государь выходил обыкновенно пешком, если было близко, и позволяла погода, или в карете, а зимою в санях, всегда в сопровождении бояр и прочих служилых и дворовых чинов. Великолепие и богатство выходной одежды государя соответствовали значению торжества или праздника, по случаю котораго делался выход, а также и состоянию погоды в тот день. Относительно верхней одежды летом он выходил в легком шелковом опашне (длиннополом кафтане) и в золотной шапке с меховым околом; зимою — в шубе и в горлатной (меховой) лисьей шапке; осенью и вообще в ненастную, мокрую погоду — в суконной однорядке. Под верхнею одеждою был обычный комнатный наряд, зипун, надеваемый на сорочку, и становой каф-

тан. В руках всегда был посох единороговый, из кости единорога, или индейский из чернаго дерева, или простой из карельской березы. И те и другие посохи были украшены дорогими каменьями. Во время больших праздников и торжеств, каковы были Рождество Христово, Богоявление, неделя Вербная, Светлое Воскресение, Троицын день, Успение и некоторые другие, государь облекался в *наряд царский,* к которому принадлежали: царское платье, собственно порфира, с широкими рукавами, царский становой кафтан, царская шапка или корона, диадема или бармы (богатое оплечье), наперсный крест и перевязь, возлагаемые на грудь; вместо посоха, царский серебряный жезл. Все это блистало золотом, серебром и дорогими каменьями. Самые башмаки, которые надевал государь в это время, были также богато вынизаны жемчугом и украшены каменьями. Тяжесть этого наряда без сомнения была очень значительна, и потому в подобных церемониях государя всегда поддерживали под руки стольники, а иногда и бояре из ближних людей.

Свита, окружавшая государя, была также одета более или менее богато, смотря по празднеству и соответственно одежде государя. Для этого из дворца отдавался приказ, в каком именно платье быть на выходе. Если же боярин был недостаточен и не имел богатой одежды, то на время выхода такую одежду давали ему из царской казны. Впоследствии, при царе Федоре Алексеевиче, издан был даже особый указ, которым назначено было, в какие именно господские и владычни праздники и в каком платье быть во время царских выходов.

Во время шествия свита разделялась рядами, люди меньших чинов шли впереди, по старшинству, по два или по три человека в ряд, а бояре, думные и ближние люди следовали за государем. На всех выходах в числе царской свиты находился постельничий с разными предметами, которые требовались на выходе и которые несли за постельничим стряпчие, именно: *полотенце* или платок, *стул* с *зголовьем* или подошкою, на котором садился государь; подножье, род ковра, на котором стано-

вился государь во время службы; *солношник* или зонт, защищавший от солнца и дождя, и некоторые другие предметы, смотря по требованию выхода. Когда государь выходил на богомолье в приходскую или монастырскую церковь, то впереди несли особое *место,* которое обыкновенно ставилось в церквах для царскаго пришествия. Оно было обито сукном и атласом краснаго цвета, по хлопчатой бумаге с шелковым и золотным галуном. Стряпчие вообще прислуживали государю, принимали, когда было нужно, посох, шапку и пр. На малых выходах они выносили только полотенце (платок) и подножье теплое или холодное, смотря по времени года.

Царь Иван Васильевич выходил к обедне в сопровождении *рынд.* Один очевидец описывает подобный выход (1565 г.) следующим образом: отпустя послов, государь собрался к обедне. Пройдя палаты и другие дворцовые покои, он сошел с дворцоваго крыльца, выступая тихо и торжественно и опираясь на богатый серебряный вызолоченный жезл. За ним следовало более осмисот человек свиты в богатейших одеждах. Шел он посреди четырех молодых людей, имевших от роду лет по тридцати, но сильных и рослых: это были рынды, сыновья знатнейших бояр; двое из них шли впереди его, а двое других позади, но в некотором отдалении и на равном разстоянии от него. Они одеты были все четверо одинаково: на головах у них были высокия шапки из белаго бархата, с жемчугом и серебром, подбитыя и опущенныя вокруг большим рысьим мехом. Одежда на них была из серебряной ткани, с большими серебряными же пуговицами, до самых ног; подбита она была горностаями; на ногах сапоги белые, с подковами; каждый на плече нес красивый большой топор, блестевший серебром и золотом.

Зимою государь выезжал обыкновенно в санях. Сани были большия, нарядныя, то есть раззолоченныя, расписанныя красками и обитыя персидскими коврами. *Возницею* или кучером в этом случае бывал стольник из ближних людей; но так как в старину ездили без возжей, то возница сидел обыкновенно верхом, другой ближний стольник стоял на ухабе или в запят-

ках, так обыкновенно выезжал царь Михаил Федорович. Царь Алексей Михаилович выезжал более пышно: у его саней, по сторонам места, где сидел государь, стояли знатнейшие бояре, один справа, другой слева; у саннаго передняго щита стояли ближние стольники, также один с правой стороны, а другой с левой; около государя за санями шли бояре и прочие сановники. Весь поезд сопровождался отрядом стрельцов, в числе ста человек, с батогами (палочками) в руках «для тесноты людской».

* *
*

24 Декабря, в сочельник, накануне Рождества рано утром государь делал тайный выход в сопровождении только отряда стрельцов и подьячих Тайнаго Приказа в тюрьмы и богадельни, где из собственных рук раздавал милостыню тюремным сидельцам, полонянникам (пленным), богаделенным, увечным и всяким бедным людям. По самым улицам, где проходил государь, он также раздавал милостыню нищим и убогим, которые во множестве собирались даже из отдаленных мест к таким боголюбивым царским выходам. В то же время, как государь навещал таким образом всех заключенных и сирых, доверенныя лица из стрелецких полковников или подъячих Тайнаго Приказа раздавали милостыню на Земском дворе, также и у Лобнаго места, и на Красной площади. И можно сказать, что ни один бедный человек в Москве не оставался в этот день без царской милостыни, каждому было чем разговеться, каждый был с «праздником».

Такие царские выходы «тайно» делались и накануне других больших праздников и постов. В Рождественский сочельник они совершались рано утром, часу в пятом.

Совершив утренний выход по тюрьмам и богадельням, государь, переодевшись и отдохнув, шествовал в Столовую Избу или Золотую Палату, или же в одну из придворных церквей к

царским часам, в сопровождении бояр и всех думных и ближних чинов. Потом в навечерии праздника государь выходил в Успенский собор к вечерни, когда во время службы соборный архидиакон *кликал* многолетие государю и всему царскому семейству по именам. После того патриарх с духовенством и боярский чин здравствовали государю со многолетием.

В тот же день, вечером, когда уже совсем смеркалось, приходили во дворец *славить Христа* соборные протопопы и попы и певчие *станицы,* т. е. хоры государевы или собственно дворцовые, также патриаршие, митрополичьи и разных других духовных властей, имевших у себя свои особые хоры. Государь принимал их в Столовой Избе или в Передней Палате и жаловал им по ковшу белаго и краснаго меда, который в золотых и серебряных ковшах подносил один из ближних людей. При этом они получали и *славленое.* Таким же образом соборяне и певчие ходили славить к царице и потом к патриарху, где также пили мед и получали славленое. Славленыя деньги выдавались, смотря по важности и значению причта: одним больше, рублей по 12 на собор, другим меньше, по рублю, по полтине и даже по 8 алтын с 2 деньгами, что составляло 25 копеек. Цари Алексей Михайлович и сын его Федор Алексеевич очень любили церковное пение и потому особенно жаловали певчих и, кроме славленья, слушали иногда разныя другия церковныя песни.

В самый праздник Рождества Христова государь слушал заутреню в Столовой или в Золотой Палате. Во 2-м часу дня (в 10-м часу утра), в то время как начинали благовест к литургии, он делал выход в Столовую, где и ожидал пришествия патриарха с духовенством. Для этого Столовая наряжалась большим нарядом, коврами и сукнами. В переднем углу ставилось место государево, а подле него кресло для патриарха. Вошед в Столовую, государь садился до времени в свое место и приказывал сесть по лавкам боярам и думным людям; ближние люди младших разрядов обыкновенно стояли. Патриарх при пении праздничных стихер, в предшествии соборных ключарей, несших крест на мисе и св. воду и в сопровождении митрополитов,

архиепископов, епископов, архимандритов и игуменов, приходил к государю в ту же палату славить Христа и здравствовать государю с праздником, Государь встречал это шествие в сенях. После обычных молитв певчие пели государю многолетие, а патриарх говорил поздравление. Потом и государь и патриарх садились на свои места. Посидев немного и затем благословив государя, патриарх со властьми шел таким же порядком славить Христа к царице, в ея Золотую Палату, и потом ко всем членам царскаго семейства, если они не собирались все для принятия патриарха у царицы. Славление у государя происходило обыкновенно в Золотой Палате, а иногда и в Грановитой.

Царь Михаил Федорович пред обеднею обыкновенно ездил в Вознесенский монастырь поздравлять матерь свою, великую старицу, иноку Марфу Ивановну.

Отпустя патриарха, государь в Золотой или в Столовой облекался в царский наряд, в котором и шествовал в собор к обедне. Все дворовые и служилые чины, сопровождавшие этот выход, были также богато одеты в золотные кафтаны. После литургии государь шествовал во Дворец, где потом в Столовой или в Золотой приготовлялся праздничный стол «на патриарха, властей и бояр». Этим оканчивалось рождественское празднество.

В день Рождества Христова и в другие большие праздники, цари не садились за стол без того, чтоб не накормить прежде так называемых тюремных сидельцев и пленных. Так, в 1663 году в этот праздник кормлено было на большом тюремном дворе девятьсот шестьдесят четыре человека.

На женской половине Дворца у царицы в этот день также совершались свои обряды. Утром, пред обеднею, у нея собирались *дворовыя* и *приезжия* боярыни, в сопровождении которых она выходила в свою Золотую Палату, принимала там с славлением патриарха, а потом шествовала в дворцовую церковь к обедне. Приезжия боярыни вместе с поздравлением, по старому обычаю, подносили царице *перепечи,* род сдобных крупичатых куличей или караваев. В 1663 году царице Марье Ильиничне и царевнам, большим и меньшим, четырнадцать приезжих

боярынь поднесли *четыреста двадцать шесть перепечь,* каждая по 30 перепечь. Подобным же образом после обедни и царица посылала к патриарху от себя и от каждой царевны по пяти перепечь. На празднике к царице приходили славить из Вознесенскаго монастыря *старицы* и другия славленицы.

У малолетних царевичей славили иногда их карлы.

* *
*

В «неделю мясопустную», т. е. в воскресенье перед масленицею, после заутрени, Церковь наша совершала *действо Страшнаго Суда.*

Действо это совершалось на площади за алтарем Успенскаго собора перед образом Страшнаго Суда, по особому уставу, и состояло в пении стихер, в освящении воды и чтении, на четыре страны, Евангелия, после котораго патриарха отирал губкою образ Страшнаго Суда и прочия иконы, вынесенныя к действу. По окончании действа, патриарх осенял крестом и кропил святою водою государя, властей и всенародное множество, присутствовавшее при совершении сего обряда.

Перед выходом на действо рано утром, часа за три до света, государь совершал обход тюрем и приказов, где сидели колодники, и всех богаделен, где жили раненые, разслабленные и малолетние сироты и подкидыши. Там он раздавал своеручно милостыню; освобождал преступников. Кроме того, в этот же день во Дворце, в Золотой или в Столовой, давался стол на нищую братию. Государь сам обедал за этим столом и со всеми обрядами праздничных столов угощал своих многочисленных гостей. По окончании стола он оделял всех из своих рук денежною милостынею. В то же время, по царскому указу, на тюремном дворе кормили тюремных сидельцев и всех заключенных; в 1664 году там кормлено было в этот день 1110 человек.

С половины масленицы наступали *прощеные дни*. В среду сырной недели государь посещал городские монастыри: Чудов, Вознесенский, Алексеевский и другие, а также и монастырския подворья, где прощался с братиею и больничными старцами и жаловал им денежную милостыню. В четверг и преимущественно в пятницу государь ездил в загородные московские монастыри, в которых также прощался с монастырскою братиею и сестрами и оделял их милостынею. В Новоспасском монастыре государи из Дома Романовых, прощались у гробов родителей. В пятницу, а иногда в субботу или воскресенье, государь, в сопровождении бояр, и патриарх со властьми ходили для прощения к царице. Она принимала их в своей Золотой Палате и жаловала к руке как бояр, так и приезжих боярынь, большею частью своих родственниц и свойственниц, которыя съезжались к ней, также для прощения, по особому зову.

В неделю сыропустную, т. е. в воскресенье перед великим постом, поутру, пред литургиею, патриарх со всеми духовными властями, в предшествии соборнаго ключаря, который нес крест и святую воду, приходил *прощатися* к государю. Государь принимал его обыкновенно в Столовой Избе. Отпустив патриарха, царь совершал обряд прощения с чинами дворовыми и служилыми. В тот же прощеный день, вечером, государь, в сопровождении светских чинов, шествовал в Успенский собор, где патриарх совершал обряд прощения *по чину*. После ектении и молитвословий, государь подходил к патриарху и, прощение говоря, прикладывался ко кресту. Власти духовныя и светския также, прощение говоря, все целовали крест у патриарха и потом ходили к государю к руке.

Из собора государь шествовал прощаться к патриарху в сопровождении бояр и прочих чинов. У патриарха в Крестовой или в Столовой Палате, которая для государева прихода наряжалась сукнами и коврами, собирались в это время и все духовныя власти, т. е. митрополиты, архиепископы и архимандриты. Патриарх встречал государя на лестнице, иногда же среди Крестовой Палаты; в таком случае государя в сенях встречали власти.

Встретя, патриарх благословлял государя и, приняв его под руку, шел с ним на обычныя места.

В сенях Крестовой, еще до прихода государя, был устроен царский *питейный поставец* с разными иностранными виноградными винами, красными и белыми, и русскими медами, красным и белым. И, *«посидя немного»,* государь указывал стольникам нести свое государево питье. Происходило прощальное угощение винами и медами всех присутствующих. Угощал патриарх, поднося первому самому государю.

Когда оканчивались эти *прощальныя чаши,* государь с патриархом садились на лавки по прежним местам и повелевали властям и боярам и всем присутствовавшим в палате выйти вон, а сами наедине беседовали о духовне с полчаса времени.

От патриарха государь шествовал в Чудов и Вознесенский монастыри, в Архангельский и Благовещенский соборы, в которых *прощался* у св. мощей и у гробов *родителей.* Пришедши во дворец, государь в одной из приемных палат прощался с людьми «комнатными», т. е. жаловал к руке комнатных бояр, думных и вообще ближних людей, пожалованных в эти чины *«из комнаты»,* т. е. из числа тех, которые с малолетства постоянно находились при особе государя. В это же время он прощался со всеми чинами и должностными людьми меньших разрядов своего Государева Двора.

Точно так же обряд прощения совершался в этот день и на половине царицы, которая в своей Золотой Палате прощалась с самыми близкими родственными лицами из бояр и других чинов и со всем своим «двором», жаловала к руке мам, верховых боярынь, казначей, постельниц, мастериц, мовниц и проч.

В этот же прощальный день цари наблюдали еще один достопамятный обычай: утром или вечером докладывали государю начальники всех Приказов о «*колодниках*, которые в каких делах сидят многие лета». По этому докладу государь освобождал весьма многих преступников и особенно тех, что «сидели не в больших винах».

На первой неделе Великаго поста, во вторник, после обедни,

во дворец приезжали стряпчие из тридцати пяти монастырей и подносили государю и каждому члену царскаго семейства от каждаго монастыря *по хлебу, по блюду капусты и по кружке квасу.* Повелев принять эту обычную дань, государь жаловал монастырских стряпчих *погребом,* т. е. приказывал поить их вином, пивом и медами с своего погреба.

Надо сказать, что монастыри всегда славились искусным печением хлеба и отличным приготовлением квасов и капусты.

При царе Михаиле Федоровиче славился своими квасами монастырь Антония Сийскаго (Архангельской губернии, в Холмогорском уезде), так что государь посылал туда «для ученья квасчаго варенья» своих хлебников и пивоваров.

На первой же неделе Великаго поста, в среду или в субботу, а иногда и в другой день, после обедни, в Столовой Избе государь сам раздавал боярам и прочим чинам так называемые *укруги,* т. е. ломти калача, иностранныя виноградныя вина и разныя сласти, сушеные и вареные в сахаре, в меду и патоке фрукты.

Для праздника Благовещения Пресвятыя Богородицы государь нередко в своих покоевых хоромах, т. е. в Комнате и Передней «кормил нищих». Так, в 1668 году были «кормлены по Комнате и по Передней нищие шестьдесят человек, и великий государь жаловал их из своих государских рук милостынею: десяти человекам по два рубля, пятидесяти человекам по одному рублю».

* *
*

Пред наступлением Светлаго дня государь снова посещал тюрьмы и богадельни, раздавал везде щедрою рукою милостыню нищим и заключенным, освобождал преступников, выкупал неимущих. В среду Страстной недели царь выходил в Успенский собор к «прощению». В тот же день, в полночь, государь совершал обычный выход для «милостинной раздачи». Такие же

выходы совершались в великую пятницу и в субботу. В эти же дни государь обходил для прощения и некоторые монастыри, особенно Кремлевские; в Вознесенский и в собор Архангельский он всегда заходил *проститься у гробов*. В субботу после литургии патриарх присылал государю из собора освященные *укруги* хлеба и целый хлеб и *вина фряжския* (иностранныя виноградныя).

В навечерии Светлаго дня государь слушал полунощницу в *Комнате*. Со времен царя Алексея Михаиловича покоевыя палаты государя находились в Теремном дворце; там была и Комната, известная ныне под именем «Престольной».

По окончании полунощницы, в этой Комнате совершался обряд царскаго лицезрения, который заключался в том, что все высшие дворовые и служилые чины и некоторые чиновники меньших разрядов, по особому благоволению государя, входили в Комнату, чтоб «видеть его, Великаго Государя, пресветлыя очи». Бояре и все другие сановники и служилые люди должны были непременно явиться в это время во дворец и сопровождать государя к утрене, а потом к обедне. Но не все удостоивались милости видеть пресветлыя очи государя в Комнате. Туда в это время имели свободный вход, кроме людей ближних или комнатных, бояре и «некомнатные», думные дворяне, думные дьяки. Чиновники меньших разрядов допускались, по особенному соизволению царя, по выбору, и входили в Комнату по распоряжению одного из ближних людей, обыкновенно стольника, который в то время стоял в Комнате *у крюка* и впускал их по списку по два человека. Все остальные чиновники вовсе не допускались в Комнату. Стольники *с головы*, т. е. начиная со старшаго по служебному списку, государския очи видели и били челом уже на выходе в сенях перед Переднею (в нынешний трапезной). Все младшие стольники и стряпчие, которые были в золотных кафтанах, били челом государю перед сеньми, на Золотом крыльце и на площади, что перед церковью Всемилостиваго Спаса (что за Золотой Решеткою), а у которых золотных кафтанов не было, те дожидались царскаго выхода на Постельном

и на Красном крыльцах. Во все места, а особенно близкия к покоям государя, чиновники допускались по особому пожалованию, которое соответствовало награде за службу.

В то время, как бояре и прочие чины входили в Комнату, государь сидел в креслах в становом шелковом кафтане, надетом поверх зипуна.

Каждый из входивших в Комнату, узрев пресветлыя очи государя, бил челом, т. е. кланялся пред ним в землю и, отдав челобитье, возвращался на свое место.

Обряд царскаго лицезрения оканчивался выходом государя к утрене, всегда в Успенский собор. Сам государь и все чины до последняго в это время были в золотных одеждах. У кого не было такой одежды, того не пускали и в собор.

Во время заутрени, после хвалитных стихер, государь, по обычаю, прикладывался к евангелию и образам и «творил целование во уста» с патриархом и с высшими духовными властями, а прочих жаловал к руке, при чем тем и другим жаловал также красныя яйца. Бояре и все чины, которые были в соборе, также прикладывались к святыне, подходили к патриарху, целовали его руку и получали либо золоченыя, либо красныя яйца: высшие — по три, средние — по два, а младшие — по одному яйцу. Похристосовавшись с духовенством, государь шествовал на свое царское *место* у южных дверей собора, на котором жаловал к руке и раздавал яйца боярам и всем чинам до последняго. Яйца государь раздавал гусиныя, куриныя и деревянныя точеныя, по три, по два и по одному, смотря по знатности лиц. Эти яйца были расписаны по золоту яркими красками в узор, или цветными травами, «а в травах птицы и звери, и люди».

От заутрени из Успенскаго собора государь шествовал прежде в собор Архангельский, где, соблюдая древний обычай, *христосовался с родителями,* т. е. покланялся их гробам. Затем через Благовещенский собор, где христосовался с своим духовником, целовал его в уста, государь шествовал во дворец. Там, в Золотой Палате, он принимал патриарха и властей, приходивших *славить Христа* и поздравлять, после чего с патриархом

и властями, в сопровождении бояр и прочих чинов, шествовал к царице, которая принимала их в своей Золотой Палате, окруженная мамами, дворовыми и приезжими боярынями. Государь христосовался с нею, патриарх и власти духовныя благословляли царицу иконами и целовали у ней руку. Чины светские, ударив челом, также целовали ея руку. В это время обе руки государыни поддерживали боярыни из близких родственниц.

Раннюю обедню государь слушал большею частью в одной из дворцовых церквей, вместе с семейством, с царицею и детьми. К поздней государь выходил обыкновенно в Успенский собор. По окончании обедни патриарх благословлял государя царя пасхою и яичком и сам кушал вместе с государем и потом подавал боярам и властям и священникам.

Пришед от обедни, государь в покоях царицы жаловал к руке и раздавал крашеныя яйца мамам, верховым (придворным) боярыням, казначеям и постельницам. Потом жаловал своих дворовых людей и вообще всех низших дворовых служителей.

Совершая заветный обряд христосования со всеми чинами, государь находил время для посещения несчастных заключенных в тюрьмах, которым также говорил «Христос Воскресе!» и оделял их милостынею. Кроме того, в этот день государь давал стол на нищую братию в царицыной Золотой Палате.

На другой или на третий день праздника, а чаще всего в среду Светлой недели, государь принимал в Золотой Палате, в присутствии всего царскаго *чина,* патриарха и духовных властей, приходивших *с дарами.* Патриарх благословлял государя образом и золотым крестом, нередко со св. мощами, дарил ему несколько кубков, по портищу бархатов золотных и беззолотных, атласу, камки или других каких материй, потом *три сорока* соболей и *сто золотых.* Царице, царевичам и царевнам были такие же дары, только в меньшем количестве и меньшей ценности. Кроме образа, креста, кубков и бархатов, патриарх подносил царице два сорока соболей и также *сто* золотых; царевичам по сороку соболей и по пятидесяти золотых; царевнам по со-

року соболей и по тридцати золотых. Другие духовные чины подносили дары сообразно своим достаткам, кто что мог. Выдающимся даром от всех богатых или достаточных лиц были *золотые* (монета).

Троице-Сергиевский монастырь подносил свое изделие, различную деревянную посуду, ложки, братины, кувшинцы, стаканы и т. п. иногда расписаны красками и золотом. Другие победнее, подносили хлеб, мед, квас и, главное, благословение образом.

Но, кроме более или менее значительных духовных властей и монастырей, в это время к государю во Дворец приходили и вообще все *белыя власти* с образами, а из монастырей *черныя власти* также с образами, «да и с хлебы, да и с квасы».

В одно время с духовенством к государю являлись с дарами именитый человек Строганов, гости Московские, гости из Великаго Новгорода, Казани, Астрахани, Сибири, Нижняго Новгорода и Ярославля, а также гостинной и суконной сотен торговые люди.

* *
*

В день Происхождения Честнаго и Животворящаго Креста Господня, 1 Августа, всегда бывает крестный ход на воду. Накануне этого дня государь выезжал в Симонов монастырь, где слушал вечерню и в самый праздник заутреню и обедню. Против монастыря, на Москве-реке, устроивалась в это время иордань, подобно как и в день Богоявления. Государь, в предшествии крестнаго хода и в сопровождении бояр и всех сановников, выходил «на воду» и по освящении, торжественно погружался в иордань, купался в освященной воде для здравия и спасения, с какою целью возлагал на себя и три заветные креста. Царь Алексей Михайлович возлагал крест Петра Чудотворца и благословенный от бабушки своей Марфы Ивановны, родительницы царя Михаила Феодоровича. Цари нередко совершали

торжественное купанье во иордани в загородных селах, в Коломенском, на Москве-реке, и в Преображенском, на Яузе.

* *
*

Когда приходила пора жениться государю или наследнику государства, то в невесты им избирались дочери-девицы из всех семей служилаго, т. е. военнаго дворянскаго сословия. Для этого Государь посылал во все города и во все поместья грамоты со строжайшим наказом, чтоб все вотчинники-помещики немедленно ехали с своими дочерьми в город к назначенным на то городовым воеводам, которые должны смотреть дочерей в невесты государю. Главною целью таких воеводских смотрин были красота и доброта ея здоровья и нрава. После смотра все избранныя первыя красавицы области вносились в особую роспись, с назначением приехать в известный срок в Москву, где им готовился новый смотр, еще более разборчивый, уже во дворце, при помощи самых близких людей государя. Наконец, избранныя из избранных являлись на смотрины к самому жениху, который и указывал себе невесту также после многаго «испытания». О царе Иване Васильевиче Грозном повествуют, что для избрания третьей супруги к нему «из всех городов свезли невест в Александрову Слободу, и знатных и незнатных, числом более *двух тысяч*. Каждую представляли ему особенно. Сперва он выбрал 24, а после 12, из коих и избрал себе невесту.

Отец царя Ивана Васильевича, вел. кн. Василий, вздумав жениться (это было еще при его отце), обнародовал во всем государстве, чтобы для него выбрали самых прекраснейших девиц, знатных и незнатных, без всякаго различия. Привезли их в Москву более пятисот, по другому свидетельству — 1500; из них выбрали триста, из трехсот — 200, после 100, наконец — только 10; из сих десяти и была избрана невеста.

После избрания, царскую невесту торжественно вводили в царския особыя хоромы, где ей жить, и оставляли до времени

свадьбы на попечение дворовых боярынь и постельниц, жен верных и богобоязливых, в числе которых первое место тотчас же занимала ближайшая родня избранной невесты, обыкновенно ея родная мать или тетка и другия родственницы. Введение невесты в царские терема сопровождалось обрядом ея царственнаго освящения. Здесь с молитвою наречения, на нее возлагали царский девичий венец, нарекали ее *царевною,* нарекали ей и новое царское имя. Вслед за тем дворовые люди «царицына чина» целовали крест новой государыне, присягали. По исполнении обряда наречения новой царицы, разсылались по церковному ведомству в Москве и во все епископства грамоты с наказом, чтобы о здравии новонареченной царицы Бога молили, т. е. поминали ея имя на ектениях вместе с именем государя.

С этой минуты личность государевой невесты приобретала полное царственное значение и совсем выделялась из среды подданных и из среды своего родства, так что даже и отец ея не смел уже называть ее своею дочерью, а родственники не смели именовать ее себе родною.

* *
*

По старозаветному обычаю, Русския царицы и с детьми жили в своих особых хоромах вблизи государя, но вдали и в большой дали от людских всенародных глаз.

Ни одна государыня в других странах не пользовалась таким уважением подданных, как царица Русская.

Никто не смел не только говорить свободно о царице, но даже, если бы случилось, и смотреть на ея особу.

Когда она садится в карету или выходит из нея, се покланяются ей до земли. Из тысячи придворных едва ли найдется один, который может похвалиться, что он видел царицу или кого-либо из сестер и дочерей государя. Даже и врач никогда не мог их видеть. Когда однажды, по случаю болезни царицы, необходимо было призвать врача, то прежде чем ввели его в комнату к боль-

ной, завесили плотно все окна, чтоб ничего не было видно, а когда нужно было пощупать у ней пульс, то руку ея окутали тонким покровом, дабы медик не мог коснуться тела. Царица и царевны выезжают в каретах или в санях (смотря по времени года), всегда плотно и со всех сторон закрытых; в церковь оне выходят по особой галлерее, со всех сторон совершенно закрытой. Во время пеших выходов на богомолье царицу скрывали от народных глаз суконныя полы, носимыя со всех сторон ея шествия.

В церкви оне стояли в особых местах, завешанныя легкою тафтою; да и в церкви в это время, кроме церковников и ближних людей, иные люди никогда не бывали. Только одни церковники в необходимых случаях видали государыню. Царица даже в своей домовой церкви Рождества Богородицы слушивала литургию патриаршей службы хотя и вместе с государем, но в притворе, уединенно даже от избраннаго святительскаго и домашняго общества, и смотрела на службу и на святителей из-за решеток и маленьких окон. Удаленная таким образом от мужского общежития, царицы, конечно, не участвовали ни в каких общественных или торжественных собраниях среди мужского чина, где первенствовал сам государь.

Но, само собою разумеется, что, скрываясь от глаз народа, от всяких общественных собраний, вообще от людских глаз, царица не лишала себя любопытства и удовольствия смотреть и на мирския собрания, каковы были торжественныя церковныя действа и крестные ходы, торжественныя встречи иноземных послов, торжественные обеды за царским столом и т. п.

На церковныя торжественныя действа, совершаемыя обыкновенно в Кремле, оне смотрели потаенно из окон Грановитой Палаты вместе со всем семейством. Туда патриарх обращал к ней крестное осенение и благословение. Есть также свидетельство, что царица сматривала из окна своего терема и торжество государева венчания на царство. Когда короновался царь Федор Иванович, его супруга Ирина (Годуновых) сидела в своем тереме у окна на престоле, в великолепной одежде,

с венцом на голове; кругом нея стояли боярыни; народ, увидав ее, здравствовал ей. Этот терем в то время стоял над сводами царицыной Золотой Палаты, где теперь собор Спаса за Золотой решеткою, и таким образом наличной стороной выходил на площадь к большим соборам, так что из окон всегда можно было видеть совершаемыя там церемонии.

Приемы послов и других лиц, а равно и торжественныя столованья в Грановитой Палате царица сматривала из особой палатки, нарочно для того и устроенной над входными дверьми этой палаты. Посольские въезды она сматривала из палат над Воскресенскими воротами, где ныне находится чудотворныя икона Иверской Божией Матери, в которыя обыкновенно направлялись такия шествия. Для этого палаты всегда убирались сукном. Царица проходила сюда по кремлевской и китай-городской (уже сломанной) стенам. Да и вообще все подобныя действа так устроивались и так располагались, что царица из какого-либо удобнаго места всегда могла потаенно их видеть. Именно с такою целью государь однажды назначил прием австрийскаго посольства в 1675 г. в Коломенском дворце.

Посольство, по назначению, отправилось церемониальным шествием. Царица завидела его издали и, чтобы доставить ей удовольствие смотреть на поезд как можно долее, прислан был ездовой, за которым шествие своротило с дороги и продолжалось дальним путем по открытому полю. Посольство остановилось на отдых перед дворцом, потом торжественно вступило в царския хоромы. Из окон приемной комнаты смотрел и сам государь со старшим сыном.

Посольство было справлено с обычными церемониями. Царица, находясь в смежной комнате, видела эти церемонии чрез отверстие непритворенной двери, не быв сама видимою; но ее открыл маленький младший сын, царевич Петр (Петр Великий), отворив дверь, прежде нежели послы вышли из комнаты.

Когда, года за три перед этим временем, открыты были в первый раз в Москве «комедийнныя действа» или театральныя представления, то царица точно так же смотрела их потаенно.

Царь во время представления сидел перед сценою на скамейке, а для царицы с детьми было устроено место, род ложи, из которой они смотрели из-за решетки.

* *
*

Главнейшим благочестивым делом в домашнем быту цариц были *молитва* и *милостыня,* т. е. подвиги милосердия. В ея хоромах каждый день утром и на сон грядущий неизменно совершалось домовное *правило* молитвы и поклоны, чтение и пение у *крестов*. В Крестовой или моленной комнате, куда в свое время приходили для службы крестовый священник и крестовые дьяки, царица слушала правило обыкновенно в особо устроенном месте, сокрытая тафтяным или камчатным запаном или завесом, который протягивался вдоль или поперек комнаты и отделял крестовой причт от ея помещения.

В праздничные и иные чтимые дни, когда не было выхода в церковь, царица у крестов же всегда служила молебен и окроплялась св. водою, привозимою из монастырей и церквей, от праздников.

Как в хоромах государя, так и здесь на каждый день читалось особое поучительное *слово* из сборника, именуемаго «Златоустом». Такия книги отмечались даже надписью «Государыни царицы хоромная». Особенно богомольно и благочестиво проводились дни постов и кануны праздников. Тогда и правило прибавлялось, т. е. прибавлялись особыя моления и молитвы, поклоны, каноны и акафисты. В эти дни читались и жития святых, коих праздничная память тогда творилась. Чтение житий и всегда составляло достойное богомысленное занятие на всякий день.

Усердная приверженность цариц к Православной вере внушала им особенное благоговение к новоявленным чудотворным иконам, останавливало их мысли на богоугодном подвижничестве праведника или далекаго пустынника, сокровеннаго за-

творника, о прославленных святых делах котораго не истощались разсказы и поучения, достигавшие и до слуха цариц из самых отдаленных, глухих и незнаемых пустыней и монастырей.

С этими промышлениями царица Евдокия Лукьянова писала однажды в Новгород к бывшему своему духовнику, протопопу Максиму, требуя, чтобы он известил ее, сколько в Новгороде и в Новгородских местах чудотворных мест, и в каком месте который чудотворец какими чудесами от Бога просвещен? Протопоп исполнил это желание царицы и вместе с тем указал, что в 300-х верстах от Новгорода, вверх по реке Свири, существует обитель Александрова пустынь, где находятся св. мощи чудотворца Александра, помогающаго своими молитвами чадородию, о чем царица много и усердно молилась, так как в этом состояло и самое ея призвание. Молитва и молитвенные подвиги самого государя главным образом соблюдались во имя всего царства всего всенароднаго множества.

Царская молитва охраняла и спасала царство.

Молитва и молитвенные подвиги царицы сохраняли и спасали семейный быт государя, освящали внутреннюю сокровенную жизнь царскаго дома.

В болезнях и скорбях домашних царицы нередко подымали в свои комнаты чудотворныя иконы из соборов, монастырей и церквей, служили молебны с водоосвящением в уповании для детей исцелений и освобождения от напастей. С особенною верою была всегда чтима вообще св. вода с чудотворных крестов и со святых мощей, также из св. источников, прославленных чудотворениями. Иной раз царица совершала, сверх обычнаго осенняго и весенняго похода к Троице в Сергиев монастырь, еще особый обетный поход к угоднику, чудотворцу Сергию, великому отцу и заступнику и крепкому молитвеннику, скорому помощнику и кормителю всех Царей Российских.

Годовые богомольные выходы и выезды цариц совершались в память усопших родителей, т. е. вообще родства. Поэтому важнейшее место в ряду дней, освящаемых молитвою и милос-

тынею, были дни поминовений и особенно *родительския* субботы, Мясопустная, Троицкая и Дмитровская. То же значение имела и *радуница* (вторник Фоминой недели) или вообще христосованье с родителями на Святой.

В эти дни царица хаживала на богомолье в Кремлевский Вознесенский монастырь, который был усыпальницею царских родителей женскаго колена, и в Новоспасской монастырь, в котором находились гробы родителей Дома Романовых. Это были главныя места, где царица, поминаючи родителей, служила панихиды, а иногда слушала и обедню. Царица обходила в эти дни и другия святыни Кремля, именно Успенский собор — усыпальницу Московских святителей, Архангельский собор — усыпальницу царских родителей мужескаго колена.

На масленице царица ходила в эти храмы и монастыри прощаться, а на Святой — христосоваться.

В обыкновенных выходах пешком, а большею частью в каретах, а зимою в возках, царицу всегда сопровождали дворовыя боярыни, дворовыя девицы — боярышни и служащия женщины младшаго чина, казначеи, постельницы. Если она выходила с детьми, то в таком случае первое место в числе боярынь занимали мамы. Для обереганья такой выход сопровождали царицыны дворяне.

Царицыны богомольные и другие походы из Москвы раскрывают особенную простоту отношений царицы к населению, вообще деревенскую простоту быта. Дорогою идучи, она нередко потешала своих маленьких детей, царевичей и царевен, покупкою им игрушек и разных гостинцев, какие бывали на торгу, и какими обыкновенно потешался простой народ.

Она покупала им в возок: калачики пшеничные, сдобные и тертые, яблоки садовыя и резань, ягоды, орехи, морковь и репу и т. п. гостинцы, кроме различных игрушек.

По дороге крестьянки, попадьи с попами выходили к ней навстречу из деревень и подносили, кто что мог, у кого что было: хлеб-соль, калачи, пироги, ягоды, клюкву, квас, пиво, брагу, сотовый мед, пряники разных видов, сыр, блины и т. п., за что по-

лучали награду алтына по два, по гривне, по полтине, по рублю и больше, смотря по обстоятельствам и лицам.

Последний годовой царицын богомольный выход бывал 1 Августа, в день торжественнаго церковнаго освящения воды, когда государь погружался сам в иордань на Москве-реке, под Симоновом монастырем, и царица совершала такое же погружение во иордань, обыкновенно в селе Рубцове (Покровском) на прудах.

* *
*

В повседневной царицыной жизни, как это было и везде, утро, т. е. все время до обеда, посвящалось, конечно, разнаго рода занятиям. Здесь важнейшим каждодневным предметом для размышлений, обсуждений и забот были женския рукоделия, заготовления разнообразных частей наряда и различной церковной одежды. Вся такая рукодельная деятельность царицыной жизни сосредоточивалась главным образом в Светлице. Это было отдельное и обширное рукодельное заведение, исполнявшее всякия подобныя работы, даже и на половину государя. Не мало требовалось времени только для того, чтобы пересмотреть взносимый для шитья и других рукоделий различный узорочный товар, разныя дорогия и легкия ткани, шелки, золото и серебро, жемчуги, каменья и т. п., а вместе с тем осмотреть, полюбоваться изделиями мастериц, предметами своего и детскаго убора и наряда, указать чего желается, что нужно, как исправить переделать или как пополнить работу. Если сам государь проводил много времени в осмотре работ своей Оружейной Палаты, то еще больше времени проводила и царица в осмотре работ своей Светлицы. Здесь такой осмотр имел еще большее значение по той причине, что царица была сама рукодельницею тех же самых предметов.

Она нередко, по обещанию, сама вышивала шелками, золотом и серебром и низала жемчугом и каменьями какую-либо ут-

варь в домовыя свои церкви, в соборы или монастыри к особо чтимым угодникам. Точно так же она сама работала и некоторые предметы из платья государю и детям, напр., ожерелья и воротники к сорочкам и кафтанам, как и самыя сорочки, обыкновенно вышиваемыя шелками и золотом, также ширинки или платки, полотенца и т. п. Детям у царицы в хоромах шились даже куклы, для чего отпускались туда нередко лоскутки и остатки разных дорогих и легких шелковых и золотных тканей. Детское белье изготовлялось тоже в комнатах царицы, особенно для маленьких детей.

Белую или полотняную казну заготовляли по годовому окладу несколько особых мастерских ткацких слобод.

Обыкновенно царицы сами пересматривали доставляемые полотна, скатерти, пряжу и т. п. предметы ткацкаго льняного дела, сами распределяли их, иное оставляя для собственнаго употребления, иное назначая для даров и даже на продажу, что залежалось или не слишком чисто было сделано.

Иной раз таким образом царица пересматривала свои одежды, назначая поношенное или залежавшееся в отставку, именно «в отдачу», т. е. в дар кому-либо из своих родственниц или из своих комнатных, а также на перешивку детям. Родственниц своих царица одевала по большей части если не с собственнаго плеча, то всегда из своей казны готовым платьем.

Множество бедных людей, преимущественно женщин же и главным образом из служилаго только сословия, пользовались всегдашним доступом к милосердию царицы, подавая ей через дьяка особыя челобитныя о своих нуждах и приурочивая эту подачу челобитных большею частью к праздничным и особенно к именинным царским дням.

* *
*

Был еще в царицыном быту особый круг забот, которому так же отдавалось достаточно времени, занятий и соображений.

Для своего двороваго и в особенности для своего двороваго женскаго чина, как и для всех своих многочисленных родичей, царица являлась сердобольною попечительною матерью, которая должна была устроить жизнь и судьбу каждаго из своих домочадцев. Девицы всякаго чина, жившия во дворе царицы, всегда из двора же были выдаваемы замуж за добрых дворовых же или сторонних людей, по одобрению самой царицы.

Царица сама делала смотрины невесте, для кого-либо из дворовых женихов, а, стало-быть, уже непременно сама же смотрела и женихов для дворовых девиц, разумеется, при соблюдении необходимых условий своего замкнутаго быта, т. е. всегда потаенно и скрытно.

Еще большия заботы царица полагала об устройстве судьбы своих бедных родственниц, которыя девицами жили обыкновенно в Верху на ея попечении. Оне составляли особую степень верховых царицыных чинов под именем верховых девиц боярышень.

В этот чин царица определяла по большей части сирот своего родства, а иногда брала девиц и у родителей, по бедности не имевших средств дать им воспитание, а главным образом не имевших средств выдать их замуж.

Таким девицам царицын Верх всегда являлся надежною опорою и заботливым покровителем. До возраста оне стольничали у малолетних царевен, служили им в их детских играх и жили в их же комнатах. На возрасте царица выдавала их замуж за добрых людей, в которых, конечно, недостатка никогда не было, ибо женитьба на верховой боярышне всегда сопровождалась значительными выгодами для жениха и в отношении приданаго и в отношении службы.

* *
*

Бывало у цариц и царевен немало занятий, хлопот и забот и по вотчинному своему хозяйству, которое в некоторых под-

московных селах принадлежало им как бы в собственность, составляя их особую комнатную статью хозяйства.

Само собою разумеется, что сады доставляли немало прохлады и удовольствия в замкнутой жизни цариц и царевен, как и всего женскаго чина. В Коломенском и в других сельских царских дворцах хоромы царевен, именно их терема, выходили окнами прямо в сад, в густоту зеленых деревьев, из которых больше других любимы были деревья плодовыя — груши, яблони, вишни.

Был в царском дворце стародавний обычай посылать близким знакомым и уважаемым людям из своих садов и огородов на каждый год, в свое время, новое *слетье* или *новь,* т. е. созревшия внове садовые плоды и овощи, ягоды, дыни, арбузы, огурцы, редьку и т. п. Таким образом и садовое дело, в летнее время, доставляло царице и царевнам немало занятий и развлечений и забот о том, чтобы пораньше собрать свою новь и разослать ее любимым и уважаемым людям.

* *
*

Послеобеденное время, особенно в праздничные дни, равно как и в долгие осенние и зимние вечера, отдавалось разумеется, разнаго рода домашним комнатным утехам и увеселениям. Для этой цели во дворце существовала даже Потешная Палата, нечто в роде особаго, собственно потешнаго отделения с целым обществом разнаго рода потешников. Забавы в комнатах царицы были «народны» и сообразовались с народным же порядком увеселений. Так, например, ко Святой царицам всегда устроивалась качель и именно веревочная, обшиваемая по веревкам бархатом или атласом, с седелкою, обтянутою по хлопчатой бумаге тоже бархатом.

На масленице во дворце устроивались скатныя горы, на которых если не сама царица, то всегда увеселялись царевны с верховыми боярышнями.

На Рождество увеселялись святочными играми, гаданьями, как на Троицкой неделе,— хороводами и т. д. Для таких игр при царицыных хоромах существовали обширныя сени, в загородных дворцах холодныя, а в московском теплыя.

Для повседневной забавы, как уже было сказано, служили дурки, шутихи, также слепые игрецы-домрачеи, которые под звуки домры воспевали старины, былины, народные стихи и песни.

Есть сведения, что царицы играли и в карты.

* *
*

Торжественные приемы у царицы как самого государя, так и патриарха и высшаго духовнаго и светскаго чина, ограничивались немногими днями больших годовых праздников, а также какими-либо особыми торжественными семейными случаями (свадьба, родины, крестины), да приемами новопоставленных святителей.

Такие приемы происходили обыкновенно в царицыной Золотой Палате.

Обыкновенные праздничные приемы у царицы, разумеется, одного только женскаго чина, происходили в дни годовых больших праздников: на Рождество Христово, на Велик день, на Преображение, 6 Августа, в день Рождества Богородицы, 8 Сентября, также в один из прощеных дней масленицы и в дни царских именин.

В эти дни к царице во дворец собирались *приезжия боярыни.*

Так как по старому и очень древнему обычаю каждый подобный прием во дворце всегда сопровождался обедом, то и у царицы в те же дни каждый раз давались боярыням обычные столы. Чин приезжих боярынь заключал в себе главным образом *родство* государево или царицыно, т. е. их родственниц по мужьям и по рождению. Только одни родственныя лица и поль-

зовались правом приезда к царице в известные праздничные или торжественные дни.

К столам цариц также приглашались и старицы монахини трех московских девичьих монастырей: Вознесенскаго, Новодевичьяго и Алексеевскаго. Эти старицы были тоже вдовы или дочери бояр, нередко очень родовитых, а главное родственницы царскому дому. Из каждаго монастыря к столу всегда приглашались игуменья, казначея и *соборныя* старицы, а сверх того, и избранныя старицы, вероятно, свойственницы царскому дому. Всего за столом в один раз бывало до 12 стариц.

Царицыны столы давались обыкновенно в ея Золотой Палате, иногда в ея Столовой или в Передней. Обряд столования был такой же, как и за царскими столами, только столовыя должности здесь занимали большею частью женщины и стольники-дети.

И от царицына стола, подобно тому, как от стола государева всегда разсылались обычныя *подачи* всем близким людям, родственникам из мужчин, приезжим боярыням и преимущественно, конечно, высшим духовным властям — патриарху, митрополитам.

Приемы сколько-нибудь равных по значению и положению лиц происходили у царицы почти тем же порядком, как и у государя приемы иноземных послов, вселенских патриархов и иноземных особ царскаго достоинства.

Только у царицы *чиновныя* должности исполняли, вместо мужчин, тоже женщины-боярыни.

В 1536 году, в январе, у вдовствующей государыни правительницы великой княгини Елены Васильевны (Глинских) была на приезде казанских татар Шигалеева царица Фатма-Салтан. Великая княгиня велела ее встретить у саней старшей боярыне да с нею молодым боярыням.

Как царица взошла среди лестницы, тут ее встретила старейшая боярыня, а с нею также молодыя боярыни. Как вошла царица в сени перед палату, и великая государыня пожаловала и почтила царицу, встретила ее сама в сенях перед палатою и

с ней *карашевалась* (здоровалась) и пошла с нею в палату. Войдя в палату, оне уселились на места.

Царицу посадили с левой руки от великой княгини. В то же время вошел в палату и маленький государь Иван Васильевич (будущий завоеватель Казанскаго царства). Царица против него встала и с места своего соступила. Великий князь молвил царице: *«Табук салам!»* и с нею здоровался, а потом сел на своем месте, у матери с левой же руки и справа от царицы, т. е. между матерью и царицею. По обе стороны у него стояли бояре, а у великой княгини матери стояли боярыни.

В тот же день царица Салтан обедала у великой государыни. А за столом у великой государыни сидела царица с правой руки в угле; а с левой руки у великой княгини сидели боярыни.

А после стола великая государыня подала чашу царице, да тут ее и дарила, да отпустила ее на подворье и велела боярыням проводить ее по тому же, как ее встречали.

* *
*

По старому обычаю новопоставляемые святители — патриархи, митрополиты, архиепископы, епископы на другой или на третий день после своего посвящения приходили к государю и к царице с благословением и с дарами. Этот торжественный прием совершался большею частью в царицыной Золотой Палате.

Когда был поставлен первый патриарх Иов, он после приема у государя в сопровождении Константинопольскаго патриарха Иеремии из палат государя шествовал и на царицыну половину. По окончании государева приема выступил на середину палаты боярин, присланный от царицы. Обнажив голову, он с низким поклоном и громким голосом изложил ея просьбу патриархам, чтобы они пришли ее благословить. Государь тотчас встал и отправился с патриархом и со всем духовенством в покой своей супруги. Сперва шел государь, за ним оба патриарха, потом ду-

ховныя власти по чину и все царское собрание. В хоромах царицы все шествующие, не исключая и государя, должны были подождать во второй комнате, т. е. в Передней палате. Здесь находилось множество женщин и девиц, служащих царице. Все оне от головы до ног были одеты в белое, подобное снегу, платье безо всякаго украшения или убранства.

В этой палате гости видели образа св. угодников в богатых окладах, осыпанных драгоценными каменьями. Немного погодя, отворилась золотая дверь и от имени царицы другой боярин пригласил патриархов войти со всем собором.

Тогда вошли только государь, патриархи с провожавшими их епископами, брат царицы Борис Годунов, и более никого.

Тихо поднялась царица с своего престола при виде патриархов и встретила их посреди палаты, смиренно прося благословения.

Вселенский святитель Иеремия, осенив ее молитвенно большим крестом, воззвал: «Радуйся благоверная и боголюбезная в царицах Ирина, востока и запада и всея Руси, украшение северных стран и утверждение веры православной!» Затем патриарх Московский, митрополиты, архиепископы, епископы, каждый по чину, благословляли царицу и говорили ей подобныя же приветственныя речи.

Она также *ответила* речью вселенскому патриарху. Потом, отступив несколько, царица стала подле своего места, между своим супругом, царем Федором, стоявшим справа, и родным братом, боярином Годуновым, стоявшим слева. Поодаль стояли боярыни все в белом одеянии со скрещенными на груди руками и потупив глаза в землю. Царица подозвала одну из них, взяла из ея рук драгоценную золотую чашу, украшенную превосходными агатами, которая была наполнена жемчугом — в ней было 6000 жемчужин,— и, подносся ее патриарху, просила его принять этот дар.

Потом она села на царское место, а за нею присели и все гости.

Так как царица просила патриарха дать благословение слу-

жившим при ней женщинам и девицам, то все оне, одна за другою, благоговейно подходили к патриарху, принимали от него благословение, целовали у него руку и подносили ему каждая в дар по прекрасной ширинке собственнаго вышиванья.

Тогда были явлены царице дары новопоставленнаго патриарха Иова.

Очевидец говорит, что на царицу нельзя было смотреть без удивления, так великолепен и прекрасен был ея царский наряд. На голове она имела ослепительнаго блеска корону, которая искусно составлена была из драгоценных каменьев и жемчугами была разделена на 12 равных башенок, по числу 12 апостолов, а кругом она была унизана большими дорогими каменьями. Кроме того, с обеих сторон ниспадали тройные длинныя цепи (рясы), которыя были составлены из драгоценных каменьев и покрыты круглыми, столь большими и блестящими изумрудами, что их достоинство и ценность были выше всякой оценки.

Одежда государыни, рукава которой достигали пальцев, была сделана с редким искусством из толстой шелковой материи со многими изящными украшениями. Она по краям была искусно усажена драгоценными жемчугами, а посреди украшений блистали превосходные каменья. Сверх этой одежды на царице была мантия, с долгими рукавами, весьма тонкой материи, хотя с виду очень простая и безыскусственная, но на самом деле чрезвычайно дорогая и замечательная по множеству драгоценных каменьев всякаго рода, которыми она была покрыта по краям.

Такою же пышностью отличались башмаки, цепь (монисто) и диадема (ожерелье) царицы.

Не менее сильное впечатление произвело на очевидца и великолепное убранство палаты, свод которой казалось, был облит золотом, украшен драгоценными изображениями и сделан до того искусным образом, что в нем был какой-то чудный отголосок, звонко отзывались в нем тихия слова. На нем видны были многия роскошныя украшения, деревья, виноградные кисти, родосския ягоды и разнаго рода птицы. Посредине свода

находился лев, который в пасти держал кольцом свитаго змея, от которого спускались вниз многие художественно сделанные и богато украшенные подсвечники.

Стены кругом украшены были драгоценною стенописью с изображением деяний святых и ликов ангельских, мучеников, иерархов, а над великолепным престолом (местом царицы) ярко горела каменьями дорогими большая икона Пречистой Девы с Предвечным Младенцем на руках и вокруг его лики св. угодников, в златых венцах, по коим разсыпаны жемчуг и дорогие каменья. Пол был устлан персидскими коврами, ткаными шелком и золотом, на которых искусно были изображены охотники и звери всякаго рода.

Забелин И. Е.

З-12 Как жили в старину русские цари-государи.— М.: Панорама, 1991.— 48 с./Популярная библиотечка «Коробейник». Серия «Мгновения истории».

Очерк составлен по произведениям известного русского историка И. Е. Забелина С.-Петербургским «Обществом грамотности» и посвящен описанию общественного и домашнего быта русских царей и цариц. Большое внимание уделяется распорядку дня царей, описанию церковных обрядов и церемоний, ритуалам приема иностранных послов и гостей.

Брошюра рассчитана на массового читателя.

З $\frac{0503000000\text{-}544}{088(02)\text{-}91}$ КБ-45-15-90 ББК 63.3(2)

ЗАБЕЛИН ИВАН ЕГОРОВИЧ

КАК ЖИЛИ В СТАРИНУ РУССКИЕ ЦАРИ-ГОСУДАРИ

Художник **Байраков Н. П.**
Редактор **Симакова Т. И.**
Художественный редактор **Горняк М. В.**
Технический редактор **Никитина Л. В.**
Корректоры **Нагибина И. П., Плисова С. В.**

Печатается с издания: Забелин И. Е. Как жили в старину русские цари-государи. СПБ., Тип. И. В. Леонтьева, 1910. (Изд. СПБ. об-ва грамотности).
Орфография оригинала сохраняется.

Сдано в набор 05.10.90. Подписано в печать 27.02.91. Формат 60×84/16. П. л. 3. Усл. п. л. 2,79. Усл. кр.-отт. 3,25. Уч-изд. л. 1,855. Изд. № 062600410. Тираж 300 000 экз. Цена 1 р. 20 к. Печать офсетная. Бумага офсетная. Заказ 3962. Типография издательства «Горьковская правда». 603006, г. Нижний Новгород, ул. Фигнер, 32.

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Вы **приобрели** одну из брошюр
популярной библиотечки **«Коробейник»**
(серия **«Мгновения истории»**),
выпускаемой издательством **«Панорама»**.

В этой серии в 1990 г. вышли воспоминания
А. Ф. Керенского «ГАТЧИНА»
и **А. А. Танеевой (Вырубовой) «РАСПУТИН»**.

В течение 1991 г. Вы увидите на прилавках книжных магазинов следующие издания серии **«Мгновения истории»**:

В. А. Кучкин «РУСЬ ПОД ИГОМ: КАК ЭТО БЫЛО?»

М. В. Родзянко «ЗА КУЛИСАМИ ЦАРСКОЙ ВЛАСТИ»

**«О ПРИВАТНОЙ ЖИЗНИ КНЯЗЯ ПОТЕМКИНА.
ПОТЕМКИНСКИЙ ПРАЗДНИК»**

В. И. Новаковский «РАССКАЗЫ О ПЕТРЕ ВЕЛИКОМ»

1 р. 20 к.